

МОЁР

Психологи утверждают, что полное представление о человеке складывается в течение первых тридцати секунд знакомства с ним. Однако в момент знакомства Ксении со своим будущим отчимом девушке в первую секунду стало ясно, что никаких оставшихся двадцати девяти секунд не потребуется, чтобы понять, как он ей не нравится. Звали будущего маминого мужа Владимир Владимирович. Он, хехекнув, так и представился, добавив:

— Почти Маяковский.

“Почти, да не почти”, — подумала Ксюша, окидывая скептическим взглядом нового члена семьи. И что мать в нём нашла? Усатый, носатый, смеётся противно. Сыплет какими-то дурацкими шутками, приводя Ксенину сорокалетнюю маму в полный восторг. Впрочем, поначалу семнадцатилетней Ксении дел особо до отчима не было. “Делайте, что хотите”, — решила она, тем более что её никто и не подумал спросить, жениться им или нет. У отчима с матерью была своя жизнь, у Ксюши — своя. Она даже первое время старалась скрывать свою неприязнь к Вовану (так она окрестила “почти

Маяковского”) , но в дальнейшем ничего поделать не могла с тем, что с каждым днём он всё больше и больше раздражал её.

На поверку Вован оказался лихим товарищем, любителем приключений и авантюр. Маму, до мозга костей интеллигентную женщину, это только умиляло. Парочка представляла собой тандем “барышня и хулиган”, только великовозрастный. А ещё больше всего раздражала Ксюшу в нём полная безграмотность. Например, только в одном слове “майор” Вован делал кучу ошибок и писал “моёр”, видимо, думая, что оно произошло от слова “моё”. К слову сказать, сам Владимир Владимирович был майор в отставке. И Ксюша однажды, попросив у него военный билет, прямо тыкнула этими корочками отчиму в лицо, сказав сквозь зубы:

— Посмотрите, пожалуйста, как правильно пишется слово “майор”.

И о чём может говорить с ним женщина, владеющая в совершенстве несколькими языками, недоумевала Ксения, поглядывая на мать. Вован же, как ни старался понравиться, ничего у него не получалось. Он только больше отталкивал Ксюшу от себя. Но сильнее всего молодую особу раздражало то, что Вован был не дурак выпить. И если мама, на дух не выносившая алкоголь, разошлась с отцом Ксении по этой самой причине, то Вовану почему-то позволялось залить за воротник. И выходы Вована в алкогольном состоянии доводили Ксению до белого каления. Вован очень хорошо дрался и слыл большим авторитетом во дворе. Всё потому, что часто мог угостить выпивкой и в случае чего заступиться за любого из своих друзей-собутельников.

Как-то утром в дверь квартиры постучали. Ксения открыла. На пороге стояли два дворовых хлюпка Коляй и Димитрич, друзья Вована.

— Вовку позови, — чуть не плача, сказал Коляй, размазывая кровь из носа по лицу.

Димитрич тоже был в слегка ударенном состоянии и грустен до невозможности. Без сомнения, они пришли просить у Вована защиты.

— Дядя Вова, к вам, — недовольно выкрикнула из коридора Ксения.

Вован в это утро пребывал с тяжелого пахмура и вообще-то никого не желал принимать.

— Скажи, я занят! — крикнул он Ксении.

— Вовка, выйди, очень надо, — заканючил Коляй.

— Будь человеком! — вторил Димитрич.

— Дядя Вова! Да встаньте вы уже с постели! — рассвирепела Ксюша.

Вован нехотя вышел из комнаты, зевая и почесывая живот.

— Ну? — спросил он, оглядывая мутным взором пришедших.

Ксюша даже не стала слушать, с чем пожаловал этот побитый дуэт. Вован, по всей видимости, в тот момент тоже был не особо внимателен к посетителям и слушал их вполуха, думая, как бы сейчас улизнуть из дома и опохмелиться. А случилось вот что. Коляй, выпивая, чего-то не поделил с Генкой, Димитрич было заступился, но как-то неудачно. Поэтому они и пришли к Вовану с просьбой наказать Генку. Но Генок было во дворе двое. Один — по кличке Гендос, а второго Генку прозвали Гудносом. Он страшно гудносил. Но когда его переспрашивали, потому что порой его речь была непонятной, он, перед тем как повторить сказанное, вежливо произносил:

— Простите, пожалуйста, я гудношу с младенчества.

Гуднос, в отличие от Гендоса, задиристостью не отличался, но в этот раз побил Коляя и Димитрича именно он, Гуднос. И приходили они к Вовану за помощью по его, Гудносову, душу. Но Вован по своей невнимательности накостьял не ему, а Гендосу. Причём врезал основательно: Гендос лишился пары передних зубов. И когда выяснилось, что пострадал не тот, Вовану пришлось повиниться и оплатить Гендосу счёт из стоматологической поликлиники. Правда, деньги на то, чтобы вставить зубы Гендосу, давала Ксюшина мама, так как Вован сидел тогда без работы.

Зубы у Гендоса были никудышные. Но под осуждение всей дворовой братии Гендос заказал себе самые лучшие, металлокерамические. Потерпевший каждый раз пояснял, что, конечно, он бы и вставными железными был доволен, если бы их выбили в честной драке, а это, мол, компенсация морального ущерба. И улыбался, сверкая новыми зубами цвета белого начи-

постоего унитаза. Зато после той истории Гуднос долго не появлялся во дворе, боясь того, что просьбу Коляя и Димитрича Вован так и не выполнил.

Ксюшу сей случай просто допёк. И без того плохие отношения падчерицы с отчимом ухудшились в разы. Ксении было жаль маму, которая постоянно вытаскивала своего муженька из подобных историй, и — чего скрывать! — жалко и денег, отложенных на покупку навороченного компьютера и улетевших Гендосу в рот. После этой истории Ксюша перестала разговаривать как с матерью, так и с отчимом.

— Надо что-то делать, — сокрушённо сказала Елена Васильевна за ужином. — Только что, ума не приложу. Ребёнок трети сутки отказывается есть с нами.

— Да, — согласился Владимир Владимирович и усмехнулся: — Может, мне китайский выучить?

— Сиди уж, — покачала головой Елена Васильевна, зная, что никакой китайский её муж не осилит. Терпения не хватит.

— Да, тут и китайский не поможет, корячься тут, учи, а потом всё это — коту под хвост. Вот ты мне скажи, чего ей сейчас хочется больше всего? О чём она мечтает?

— О чём мечтает? — Елена Васильевна задумалась. — О ремонте в своей комнате, о новом, хорошем компьютере мечтала... — Она многозначительно посмотрела на мужа.

— Ленусик, ну, хватит уже! Сколько можно! — вспыхнул тот. — Знаешь ведь, что во вторник в десять собеседование. Все шансы, что меня возьмут на ту работу.

— Вообще-то Ксюша всегда мечтала съездить в Москву и побывать в Третьяковской галерее, — припомнила Елена Васильевна.

— Так давай устроймо ей эту поездку! К тому же у меня там родственники живут, будет где остановиться. И даже лучшая подруга моей тётушки — старый музейный работник, — Владимир Владимирович с гордостью произнёс это, словно сам был музейным работником, а не подруга тётушки. — А работает она именно в Третьяковской галерее.

— Ух ты! — восхитилась жена.

— Так что, Ленулька, всё будет по высшему разряду.

— Прекрасно! Но только преподнести Ксене это надо как бы между прочим, не потому что мы задабриваем её, а то будем потом каждый раз заискивать. Скажем, поездка в Москву — подарок на окончание школы. Пусть съездит, развеется, а то скоро поступать в институт. Но вам придётся ехать вдвоём. Мне никак. Не отпустят с работы.

Билеты из Новосибирска в Москву были только на воскресный ночной рейс. Обрато из Москвы они вылетали в понедельник вечером, так как на вторник у Владимира Владимировича было назначено собеседование по приёму на работу. То, что они всего один день проведут в Москве, Ксюшу не огорчало. Во-первых, она была несказанно рада, что впервые поедет в столицу нашей Родины. А Третьяковская галерея, как думала Ксюша, — предел мечтаний любого человека. Во-вторых, ей вовсе не хотелось долго находиться в компании отчима, которого она презирала всей душой. Но не отказываться же от поездки!

Елена Васильевна перед посадкой дала наставления обоим отправляющимся, сказала дочери, чтобы та ни на шаг не отходила от дяди Вовы и не грубила ему. Дядю Вову просили же об одном — не пить. И Ксюша, и Владимир Владимирович уверили, что будут вести себя прилично.

С самого начала поездки Ксюша вела себя довольно сухо, в ней стойко держалось мнение о никчёмности Вована. Дядя Вова же, как ни в чём не бывало, шутил, балагурил и вновь рассыпал свои идиотские шуточки. Но теперь Ксюша уже терпимее относилась к его солдафонскому юмору. Всё-таки Москва и Третьяковка...

— Вот обрадуется-то Агния Венедиктовна при виде нас! И Борис Андреевич тоже.

— А Борис Андреевич — это кто?

— Борис Андреевич Полицеймако — муж моей тётки. Интересный человек. Профессор!

У Ксюши при слове “профессор” округлились глаза от удивления.

— А Мишаня-то как от радости зайдётся! — щебетал дядя Вова. — Мишанька — мой брат. Увидишь, какие это воспитанные, интеллигентные люди. Они в Москве своей каждый день по театрам ходят. И в библиотеки тоже. Каждый день.

— Так уж каждый, — усмехнулась Ксения.

— Вот тебе крест, — дядя Вова перекрестился, — они такие начитанные! Я свою тётку и брата двоюродного без книги и не видел.

— Посмотрим, — важно произнесла Ксюша, но в голосе мелькнуло уважение.

— Приедем — сразу к ним двинем, — распорядился Владимир Владимирович, — позавтракаем. Знаешь, какими они изысканными блюдами будут нас потчевать. Они эти, как их, гурманы. И эстеты тоже. Отдохнём у них малость, потом в Третьяковскую галерею сходим, ещё куда-нибудь зайдём. В Москве много интересного. Куда тебе захочется, туда и пойдём.

— А вам куда хочется?

— Мне, — дядя Вова чуть не поперхнулся, — мне куда и тебе.

— Понятно...

Ксения почему-то думала, что их будут непременно встречать родственники дяди Вовы, но в Домодедово их никто не ждал.

— Неприлично им так рано звонить, — сказал дядя Вова.

— Конечно, неприлично, — согласилась, пожалуй, впервые с отчимом Ксюша, — в пять утра профессора будить.

Они зашли в кафе аэропорта, перекусили.

— Ну и цены тут! — ужаснулась Ксения.

— Что ты хочешь, Москва, — с уважением произнёс дядя Вова. — Тебе что-нибудь ещё взять?

Ксюша замотала головой, мол, дорого тут всё.

— А я, пожалуй, возьму себе бутылочку пивка. В горле пересохло.

— Дядя Вова! — укорила его падчерица.

— Так пить же хочется!

— Возьмите минералки.

— Да ты что, — теперь пришла очередь ужасаться дяде Вове, — она сто пятьдесят рублей пол-литровая бутылочка.

— А банка пива — двести! — Ксюша была неумолима.

— Тоже мне, нашла, что сравнивать! Минералка — это вода водой, а пиво...

— Как же вы выпивши в гости-то пойдёте?

Дядя Вова задумался.

— Ладно, — махнул рукой он, — там выпьем за встречу.

— Надо бы им какие-нибудь подарки купить, а то с пустыми руками неудобно, — предложила Ксюша. — И почему это вы с мамой не подумали об этом?

— Почему не подумали? Мы с Леной обговаривали этот вопрос. Я ей пообещал, что куплю родственникам презенты, как только прилетим в Москву. А чего таскаться-то с лишними сумками? Вот сейчас пойдём и купим.

Ксюша с отчимом направились в аэропортовые лавки, которые ломились от изобилия товаров. Накупив милых вещичек под руководством Ксюши, дядя Вова почувствовал непреодолимую тягу освоить винный отдел. Что он и сделал. Его глаза явно повеселели.

— Водовка, — наглаживал дядя Вова литровую бутылку. Ксюша презрительно фыркала.

Следующие два часа они, скучая в аэропорту, выжидали время. В восемь дядя Вова позвонил на домашний номер своей тёти Агнии Венедиктовны Полицеймако. В мобильном телефоне слышались заунывные гудки.

— Они что, не ждут нас? — спросила Ксюша.

— Нет!

— Как нет?

— Сюрприз!

— Ну, вы и придур, дядя Вова, — вырвалось у Ксюши.

— Но-но, — приобиделся Вован.

— Что но-но? — начинала свирепеть Ксения. — Не могли позвонить им заранее, предупредить? Мы из такой дали приперлись! Из самой Сибири!

— Так мы же не с ночевой к ним, предупреждать-то? К тому же мы не к ним вообще-то ехали, а в Третьяковку.

— Понятно...

— Да не горюй ты! Сейчас дозвонимся. Спят ещё они, потому что работают по ночам. Богема, едрить их.

Дядя Вова вновь стал набирать заветный номер, включив громкую связь. Наконец-то, после семитысячной попытки в телефоне вместо гудков раздалось человеческое “алло”.

— Агния Венедиктовна, — браво сказал дядя Вова, — доброе утро!

На той стороне, услышав это, казалось, не хотели выдавать своё присутствие.

— Тётя Агния, — повторил дядя Вова, подмигивая Ксении, — это я, ваш любимый племянник.

На том конце провода упорно молчали, человеческая речь не возобновилась.

— Тётя Агния, вы меня слышите? Это Володя. Я в Москве. Скоро буду у вас.

— Нет! — почему-то взвизгнула Агния Венедиктовна.

Дядя Вова сначала немного онешил, но потом повторил:

— Тётя Агния, это же я, ваш любимый племянник, вы слышите меня? Я в Москве, скоро буду у вас.

— Нет! — вновь громко заверещало в телефонной трубке. — Ещё раз говорю, нет!

— Ничего не понимаю, — пожал плечами отчим Ксении, — не узнала она меня, что ли?

— Она, кажется, вас оч-чень хорошо узнала, — позлорадствовала Ксения.

— Сейчас разберёмся. Тётя Агния, это я ваш племянник, Володя, сын сестры Людмилы. В гости к вам сейчас приеду. Не узнали меня?

— Узнала, Вовочка, узнала.

— Ну вот! А что я говорил. — Вован чуть вскинул голову, мол, смотри, Ксюша, с какими людьми сейчас будем иметь дело.

— Вовочка, но я тебя сейчас не могу принять.

— Как это? — искренне удивился Вован.

— А вот так, Вовочка, — запрочитала Агния Венедиктовна, — лежу, болею.

— Что с вами?

— Сердце, милый мой, сердце.

— Да что случилось, тётя Агния? — всполохился Владимир.

— Так ты ничего не знаешь? От нас Борис Андреевич ушёл. Бросил нас на произвол судьбы. Нашёл себе девку какую-то молодую, а нас с Мишенькой бросил. — Агния Венедиктовна не в силах была сдержать слёз.

— И как Мишаня? — спросил дядя Вова.

— Держится, мой мальчик бедный. Он молодец у меня. А отец его козёл. Дальше последовал бурный мат, и Ксюша невольно отшатнулась от телефона.

— А сколько Мишане лет? — шёпотом спросила она.

— На четыре года меня младше, — также шёпотом ответил ей дядя Вова. Значит, тридцать четыре, сосчитала Ксюша.

— Тётя Агния, мы приедем вас попроведать, — настаивал дядя Вова.

— В следующий раз, милый, в следующий раз. Не до гостей мне.

Агния Венедиктовна ещё чего-то говорила, жаловалась на здоровье, на своего загулявшего мужа, а потом и вовсе прекратила разговор.

— Надо же, — сказал Владимир Владимирович, — а такая крепкая семья была, интеллигентная. Хотя, по правде сказать, Агния стерва ещё та!

Бедный Борис Андреевич! Почти сорок лет терпел эту дуру. Я бы от неё в первый же день сбежал. Запилит кого угодно.

— А Борис Андреевич сам-то что из себя представляет? — спросила Ксения, нервно зевая. — Может, зануда редкая.

— Да ты что! Борис Андреевич во какой! — Вован поднял к потолку два больших пальца. — Сейчас мы ему позвоним, он обрадуется. Знаешь, как меня любит! Это Агния нас, свою родню, сторонилась, мол, мы напоминаем ей её происхождение. Рабоче-, блин, крестьянское. Она вечно такую фифу из себя корчила. Из грязи да в князи.

— Звоните уже этому полицейскому. Какая у него смешная фамилия!

Владимир Владимирович быстро нашёл в своём телефоне мобильный Бориса Андреевича Полицеймако.

— Слушаю вас, — бодро ответил профессор.

— Борис Андреевич! Дорогой! Приветствую вас!

— Володя, ты?

— Он самый.

Отчим посмотрел на Ксению важно, показывая всем своим видом, что с первых аккордов узнаваем таким значительным человеком.

— Как поживаешь, старина?

— Все хорошо, Борис Андреевич. А как вы?

— О, я в раю, старина.

— Понимаю вас, Борис Андреевич, всем сердцем, — захихикал дядя Вова, — я только что с Агнией созванивался.

— Так значит, ты об всем знаешь. Как я счастлив, старина, как счастлив, уж и не думал, что на старости лет такое счастье доведётся испытать.

— Рад за вас, Борис Андреевич, искренне рад.

— Да? — растрогался Борис Андреевич. — А ведь меня многие осуждают, говорят: тебе-то, в твоём-то возрасте. А я, может, только сейчас жить начал.

— Понимаю вас, профессор, понимаю. Как всё случилось-то?

— Ну, Володь, это с кондачка не расскажешь. Надо бы встретиться, посидеть, поговорить за рюмочкой хорошего коньячка. Родственники мы, в конце концов, или нет? Годами не видимся! Поразъехались, понимаешь, по всей России. Хорошо хоть вспомнил, позвонил, меня, старика, уважил, а то ни слуху ни духу. Давай выбирайся из своей Сибири хоть на денёк.

Дядя Вова после такой тирады профессора аж засиял, как натёртый до блеска самовар, и подмигнул Ксюше.

— Так что давай приезжай, племянник, поговорить по душам. Не затягивай!

— Еду, — засмеялся дядя Вова, — ждите!

— Только ты, старина, заранее скажи, когда тебя ждать.

— А вот прямо сейчас и ждите. Я в Домодедово.

— Где? — неприятно удивились в трубке.

— В Москве! Сейчас приеду, вернее, приедем. Я не один, с молодой девушкой, это дочь моей жены. Москву приехал ей показать.

— Ну... это... ну, ты даешь, старина... — Борис Андреевич почему-то после такого известия стал заикаться.

— Так мы едем? Куда? Какой адрес?

В ответ разразилось молчание.

— Понимаешь, тут такое дело, старина, — наконец, ожил Полицеймако, — дело в том, что я ведь с недавних пор живу с молодой красивой женщиной.

— Я уже это понял, здорово!

— Ты не обижайся, старина, но пока, — подчеркнул слово “пока” Борис Андреевич, — пока я не готов принимать бывших родственников. Моя Милочка очень хрупкая, ранимая, у неё может быть нервный срыв. Ты ведь не знаешь, сколько нам пришлось всего пережить за последний месяц. Милочка так страдает от всех нападков.

“Что за чушь? — пронеслось в голове у Ксюши. — Мы-то здесь при чём?”

— Я не собирался ни на кого нападать, — пожал плечами Вован.

— Давай, старина, когда всё уляжется, приезжай, посидим где-нибудь в кафешке, выпьем, пооткровенничаем. А сейчас не могу. Не обижайся, старина. Бывай.

Вован даже не успел попрощаться со своим родственником, как в трубке послышались гудки. Видно было, что он опешил, но тут же собрался и, словно ничего не произошло, молвил:

— Никакой он, какется, не профессор. Это так его мы называли. Ну, чего нам к нему ехать? Чего он нам может рассказать такого, что бы мы не знали?

Ксюша молчала. Дядя Вова на сей раз упал в её глазах ниже плинтуса. Самый настоящий Придур, с большой буквы.

— И куда мы теперь?

— Мишане позвоню. К нему поедem. А родители его совсем под старость сдурели. Своего же родственника на порог пускать не хотят. Родную кровиночку!

— Неспроста, наверное, — съязвила Ксения.

Брат Мишаня тоже далеко не с первого раза взял трубку.

— В гости? — истерично закричал он. — Да пошёл ты в ж...! Чего? Родственник? Да я знать такого родственника не желаю! Ты в прошлый раз что натворил? Не помнишь? Так я тебе сейчас напому! — двоюродный брат принялся перечислять “боевые подвиги” дяди Вовы, однако тот поспешил отключить телефон.

— Съездили в гости, называется! Приём нам оказан великий. Как псов бродячих гонят прочь, — начинала распалаться Ксения. — Я вот сейчас маме позвоню и всё ей расскажу, как нас тут привечают. Обцеловали, скажу, со всех сторон, уворачиваться сил нету.

— Да будет тебе, Ксюша! Честно сказать, это наше счастье, что мы к ним не попали. Так бы утомились, поверь мне! У них же скукота.

— Да неужели? — взметнула Ксения бровь. — А недавно вы мне совсем другое гнали.

Дядя Вова стоял с виноватым видом, опустив голову. Ксюше даже стало немного жаль его.

— Ну, бей меня! Я-то в чём виноват? Хотел, как лучше.

— По ходу, визит в гости отменяется, — подытожила девушка, — а в Третьяковку?

— Да ты что? Третьяковка — святое. Как нас туда могут не пустить? Там таких дурней нет, как эти Полицеймако. Слушай! — вспомнил дядя Вова. — У Агнии подруга в Третьяковке. Какой-то страшный сотрудник... Тыфу ты, старший. Давай позвоним тётке, пусть она договорится...

— Ну, уж нет! Звонить Агнии я больше не позволю! Хватит унижаться. Гордости у вас, дядя Вова, кот наплакал.

— Ну, ни в чём тебе не угодишь...

— Сами съездим в Третьяковскую галерею, без старших научных сотрудников. Только багаж нужно сдать в камеру хранения. Мало того, что накупили подарков втридорога, ещё и таскайся с ними по всей Москве, — ворчала Ксения. — Поедем гулять по столице налегке.

Они сложили в свою походную сумку презенты. Однако один пакет дядя Вова не торопился поместить со всеми вещами.

— Непременно пригодится.

— Кладите, — сухо приказала Ксения.

— Она не тяжёлая, — возразил отчим.

— Кладите, кому говорят! — взбеленилась падчерица.

— Мать вылитая! — засмеялся дядя Вова.

— Смотрите, вам ведь хуже будет, если не положите. Я всё маме расскажу.

Дядя Вована это был не довод. Его Ленусик там, за сотни километров, а пакет вот он, рядышком.

— Не командуй мной! — зыркнул глазами Вован. — Мала ещё.

Ксюша надула губы.

— Только попробуйте нажраться, — сквозь зубы сказала она, — я вас в милицию сдам.

— Ах ты, наш Павлик Морозов, — незлобно рассмеялся дядя Вова.

Всю дорогу Ксюша была в напряжении. Она то и дело посматривала на отчима и дорогой его сердцу пакет. Ей непременно хотелось схватить отчима за руку в тот момент, когда он тайком соберётся глотнуть, и пристыдить его. Дядя Вова тоже поглядывал на падчерицу в надежде на то, что она ослабит бдительность. Ксюша кидала колочие взгляды и не разговаривала с ним.

— Ксюха, ну ты и злыдня, — дядя Вова покачал головой.

— Выкиньте эту бутылку.

— Ещё чего!

— Тогда давайте её мне, спокойнее будет.

— А ты обещаешь, что она никуда не денется?

— Ага, обещаю, что не выпью её.

— Ксюша, я серьёзно.

— Да, обещаю, обещаю!

Вован нехотя расстался с пакетом. Ксюша брезгливо поморщилась:

— Пакет-то не могли получше купить? Ходить с таким стыдно.

“Тяжёлый предстоит денёк”, — с тоскою подумал Владимир Владимирович.

Вот она, долгожданная Третьяковская галерея. Ксюша аж по-кошачьи зажмурилась при виде известного всему миру здания в Лаврушинском переулке. Давно она мечтала побывать в этом доме со знаменитым васнецовским фасадом. Кованый забор, за которым памятник основателю галереи Павлу Михайловичу Третьякову непосредственно перед входом в само здание. Ксюшу с детства окружали рассказы о Третьяковской галерее. Во время войны в семнадцати вагонах коллекцию из Москвы доставили в далёкий Новосибирск, и всю войну она пребывала там. Бабушка Ксюши была одной из тех, кто следил за сохранностью картин вплоть до 1945 года. И девочка, слушая интересные бабушкины повествования, мечтала прикоснуться взглядом к шедеврам мирового искусства.

— Ворота закрыты, — растерянно сказала Ксюша.

— Так вход-то не здесь, — уверенно произнёс дядя Вова.

— А где?

— Сейчас найдём. Да не паникуй ты раньше времени!

Вокруг не было ни души. Ксюша с Владимиром Владимировичем дошли до угла. Из-за угла показался старичок в пенсне и с тростью.

— Подекажите, где вход в Третьяковскую галерею? — обратилась к нему Ксения.

Старичок хихикнул.

— Вы метров двадцать как отошли от входа. Вон он. Как это вы мимо прошли? Удивляюсь!

— Так там закрыто.

— И немудрено, — вновь хихикнул старичок, — сегодня понедельник, а в понедельник что?

— Что??? — разом спросили падчерица с отчимом.

— Вы-ход-ной, — по слогам произнёс старичок.

— Вы-ход-ной? — тоже по слогам, как эхо, повторила Ксения, не мигая уставившись на старичка.

— Вы-ход-ной, — подтвердил старичок и зашагал дальше.

Ксюша перевела свой немигающий взгляд на отчима. Дядя Вова, стараясь не встречаться с ней взглядом, обречённо моргал.

— Вы слышали? — с ненавистью произнесла падчерица. — Выходной!

— Не переживай, Ксюша...

— Что? — взревела девушка. — Не переживай? Да вы идиот, что ли?

— Тихе, Ксюша, тихе. Люди ведь смотрят. Чего ты разошлась? Ну, выходной. Им ведь тоже нужно отдыхать. Картинам-то. От посетителей, — понес какую-то нелепицу дядя Вова.

— Нет, вы не идиот. Вы, — задохнулась она, — вы придур! Самый настоящий придур. Вот вы кто.

— Ну, заладила! И слово-то какое обидное подобрала... Ладно бы придурок, а то придур... Не кипятись, сейчас попробуем договориться.

Но Ксения, махнув рукой, зашагала прочь. Отчим догнал её и развернул в сторону входа в Третьяковскую галерею.

— Сейчас я всё устрою, — пообещал он, — где наша не пропадала?

Они подошли всё к тому же заборчику, возле которого толклись пять минут назад.

— Ну? — спросила Ксюша и, поставив пакет возле ног, встала в горделивую позу, скрестив руки на груди, как Третьяков на памятнике.

— Сейчас всё будет в ажуре!

Для начала дядя Вова подёргал ворота.

— Бесполезно, — протянула Ксения.

Вован сделал приободряющий жест ладонью, мол, не бойсь, щас всё устроим, и начал взбираться по кованым завиткам забора. Но стоило ему сделать только пару движений, как показался охранник, причём с автоматом.

— В чём дело? — грозно спросил он.

— Нам бы картины посмотреть.

— Слезьте! — рыкнул охранник. — Вы что, обезьяны? Ну, живо, кому я сказал!

Дядя Вова сполз с ограды.

— Так как бы нам картины посмотреть?

— Завтра приходите. Выходной сегодня.

— Завтра мы не можем, — стал пояснять дядя Вова, но охранник его даже не стал слушать. — А с кем можно переговорить на эту тему? — вопрошал несчастный, глядя в спину удаляющемуся блостителю спокойствия.

Дядя Вова с досады стукнул кулаком по кирпичному столбику.

— Но-но, поосторожней! — взъелась на него падчерица. — Нашли где руки чесать.

“По башке своей постучи, дурень!” — так и хотелось сказать Ксюше, но она сдержалась.

— Куда мы теперь?

— Не знаю, — вяло произнесла девушка.

— А давай в зоопарк, — оживился дядя Вова.

— Чего я там не видела, — зевнула Ксюша, — к тому же у меня личная обезьяна имеется, — ухмыльнулась она. — Нет, в зоопарк мы не пойдём. Давайте лучше сходим в театр.

— Куда? В театр? Ещё чего! Чтобы мужики меня обсмеяли? Смешнее ничего не могла выдумать?

— Ну, если вам по театрам ходить смешно, то я не знаю...

— Пойдём в Кремль, — предложил дядя Вова, на что Ксюша благосклонно кивнула.

Они направились в сторону метро. Но и сходить в Кремль им не удалось, так как пошёл дождь, и пришлось спасаться от него банальным способом — юркнуть в кинотеатр.

Несмотря на утро понедельника, в фойе кинотеатра были посетители. После того как дядя Вова купил две порции попкорна, они с Ксенией прошагали в зрительный зал. Фильм, который им предстояло смотреть, назывался “Поп”. Ксюша была достаточно наслышана про этот фильм и даже подумала, что как-то некрасиво есть попкорн при просмотре такого серьёзного кино, поэтому стала спешно поглощать содержимое стаканчика. Дядя Вова же почему-то думал, что фильм будет развлекательным.

— Почему развлекательным? — удивилась Ксюша.

— Название смешное — “Поп”... гы-гы... — засмеялся Вован.

— Дядя Вова! Вы в своём уме? Это же про войну фильм! Серьёзный!

— Серьёзный, говоришь, — дядя Вова задумался, — а ну, дай пакет.

— Это ещё зачем?

— Дай, говорят!

В этот момент в зале погас свет. На экране сначала появилась реклама новых фильмов, после чего настал черед и самого “Попа”.

— Куда стаканчик дела? — услышала Ксюша над ухом шёпот отчима.

Ксения с недоумением протянула дяде Вове пустой бумажный стакан из-под попкорна. Дядя Вова деловито налил в него водки.

— Ну, за серьезное кино!

Ксюша даже не успела моргнуть, как дядя Вова опрокинул стаканчик.

— Вы обалдели, что ли? Это же кинотеатр, а не ваша стекляшка-забегаловка, — гневно прошептала Ксения.

— Тсс, — поднёс палец к губам дядя Вова, после чего закинул в рот горсть попкорна.

— В Москве, в кинотеатре, это ж надо такое вытворять!

— Смотри, не отвлекайся! Кино хорошее.

Фильм и впрямь захватил Ксюшино внимание, что было явно на руку дяде Вове. Он время от времени прикладывался к бутылочке, закусывая воздушной кукурузой.

— Какая Усатова органичная.

Эта фраза, произнесённая Вованом, сильно удивила Ксюшу. Она перевела свой взгляд с экрана на отчима.

— Э... Да вы нарядный! — воскликнула Ксения, с укоризной посмотрев на бутылку, в которой водки было до половины.

— Хороший фильм. Не мешай смотреть!

Дядя Вова деланно уставился на экран. Время от времени он смеялся невпопад, а потом и вовсе принялся комментировать фильм:

— Вот куда она, дура, в снега попёрлася?

— Тише вы! Кому сказано тише! — шипела Ксения, но от этого дядя Вова ещё больше распалялся.

— Не горюй, дочка! Выживёт она. Это у них ход такой. Трюк. Напугать зрителя. Все хорошо кончится, вот увидишь! Это тебе я говорю. Знаток человеческих душ.

— Угораздило же этого знатока мне на голову свалиться! — злилась Ксюша. — Молчите, прошу вас!

А голос дяди Вовы всё громче и воинственнее звучал в зрительном зале. Вскоре с соседних мест посыпались замечания.

— Это ты кому, барбос, сказал “потихше”? Мне что ли? Нет, это ты мне сказал! — Дядя Вова выбрасывал слова в соседний ряд солидному мужчине в очках.

— За-мол-чи-те! — Ксюша была вне себя от ярости.

— А чего он?

— Дядя Вова, не бесите меня! Я сейчас убью вас!

— Да чего я такого делаю?

— Да вы всем смотрите фильм мешаете. Нажрались, так сидите смирно!

— Нажрались? — Вован посмотрел на бутылку. — Выпил совсем чуть-чуть, а ты — нажрались! И ва-аще, как ты разговариваешь с майором?

— С майором! Да вы в этом слове четыре ошибки делаете!

Дядя Вова тем временем снова отвинчивал крышку. Ксюша пришла в ужас.

— Дайте сюда! — Она схватилась за бутылку. — Совсем уже ничего не соображает! Вы в общественном месте. В столице, понимаете! В сто-ли-це.

— А мне до звезды, — выругался дядя Вова.

— Я сейчас вас точно прибую! — Ксюша тянула на себя бутылку с водкой, которую Вован тоже тянул на себя.

— Отдайте немедленно, — шипела Ксюша.

— Как бы не так, — ухмылялся Вован.

— Я вам сейчас бутылкой по пьяной морде!

В перетягивании, разумеется, победил Вован. Он резко выхватил бутылку из рук Ксении и стал жадно пить водку из горлышка, боясь, как бы не отняли. Ксюша смотрела на дядю Вову, как на дикое существо. Стыдобница-то какая...

Когда они вышли из кинотеатра, дождь уже закончился. Дядя Вова окосел окончательно. Глаза его мутнились, и в этой мутноте не прослеживалось ни малейшего узнавания жизненных реалий. Ксюше оставалось только взвыть, глядя на бесчинства дяди Вовы. То он задирался к прохожим, явно

ища повод почесать зулаки, то он был с ними до крайности любезен, и от его слащавой вежливости начинало тошнить самого разлюбезнейшего человека. То вдруг дяде Вове приспичило узнать о жизни московских таксистов, и они, поймав такси, битых пару часов ездили по столице, вернее, стояли в пробках, где дядя Вова учил водителя ездить правильно. Покупая пиво, нагрубил киоскерше, пнул урну, так что весь мусор вверх тормашками вывалился наружу. В одном из парков пытался догнать бегущих спортсменов легкоатлетической эстафеты, да так расстарался, что прибежал чуть ли не в первых рядах к финишу. В метро совершил попытку прокатиться на перилах эскалатора и кричал:

— Слалом! Слалом!..

— Хватит неандертальничать, — взмолилась Ксюша.

В конце концов, намотав несколько кругов ада, Ксения с огромными трудностями доставила дядю Вову в Домодедово, где он, растянувшись на сиденье, храпел сильнее, чем ревели взлетающие самолёты.

Владимир Владимирович очухался только в самолёте, да и то к концу полёта.

— Где мы?

Ксения молчала. Она думала только о том, когда же закончится этот кошмар, считая минуты до приземления.

— Матери не говори, а? — жалобно попросил отчим, понемногу приходя в себя. — Попить ничего нет?

Даже если Ксюша ничего бы не стала рассказывать маме, не составляло труда определить по дяде Вове, что по музеям он точно весь день не хаживал. Взъерошенный, в облитой пивом рубашке, с ссадинами на лице и руках, потому что периодически падал, и самое главное — с полным отсутствием присутствия во взгляде.

— Не говори, прошу, — ещё раз попросил отчим.

В аэропорту Толмачёво Елена Васильевна, увидев прилетевших из Москвы дочь и мужа, не сразу поняла, что случилось. Дочка, в которой росту было кот наплакал, за что и прозвали её с детства Кнопочкой, шла со стальным лицом закалённого боями воина. Муж, мало походивший на человека, ковылял чуть поодаль Ксении. На вопрос Елены Васильевны, что случилось, он стал судорожно рыться в сумке, доставать подарки, которые предназначались его родне, и всучивать их супруге. Ксюша злоево молчала.

— Что произошло? Отвечайте немедленно! Где вы были?

— В зоопарке, цирке, балагане, — стала перечислять Ксения, загибая пальцы, — хорошо, что до борделя не дошли. А! И до родственников тоже.

Глаза Елены Васильевны стали такими же круглыми, как солнце в ясный день, и такими же горящими. Дядя Вова, как побитая собачонка, жался к сумке. И вдруг Ксюше стало его жаль. Он ведь действительно хотел, как лучше. А родственники? Ну, не паразиты ли? Взять и так отфутболить человека и её, Ксюшу, заодно...

На следующее утро у Владимира Владимировича было собеседование о приёме на работу. Чуть позже стало известно, что его берут, хотя и не на ту должность, на которую он рассчитывал. Это дело решили в семье отметить праздничным ужином. Ксюша, конечно же, не отошла ещё от поездочки в Москву, но кошмар понемногу стал уходить в небытие, поэтому она даже изредка перекидывалась с отчимом словами. Маме она ничего не рассказала, чтобы не расстраивать, да и вспоминать о случившемся лишний раз было неприятно. В самый разгар праздничного ужина раздался телефонный звонок. Звонили дяде Вове по мобильному.

— Володя, здравствуй! — послышался голос двоюродного брата Мишани.

— Пошёл в ж...у, — спокойно сказал дядя Вова и нажал отбой. Лицо Елены Васильевны вытянулось.

Через пару минут история повторилась. Дядя Вова вновь использовал слово на букву “ж”.

— Да выслушай! — кричал в трубке Мишаня, на что дядя Вова не только сбросил звонок, но и незамедлительно поместил номер московского брата в “чёрный список”.

Через несколько дней по возвращении Владимира Владимировича с работы его дома ожидал сюрприз. На кухне Ксения поила чаем с черничным вареньем брата из далёкой Москвы.

— Пошёл вон! — рявкнул дядя Вова на брата. — Во-он! Припёрся! Расселся!

Дядя Вова был вне себя от гнева.

— Сними проклятие! — кинулся гость в ноги Вовану.

— Чего-о?

— Сними, умоляю!

— Чего ты мелешь? В своём уме? Какое проклятие?

— Сними, прошу, сними, Христом Богом прошу!

Дядя Вова недоумевал. Тогда Ксения принялась объяснять, в чём дело. Оказывается, после того как они побывали в Москве, где их не пустили родственники, у Агнии Венедиктовны на следующий же день дотла выгорела квартира. По счастливой случайности она в тот момент оказалась в поликлинике. А через день у Бориса Андреевича произошёл несчастный случай, он упал с высокой ступени и сломал себе обе шейки бедра. А возлюбленная сбегала... И у Мишани начались неприятности на работе, в личной жизни и даже со здоровьем.

— Сними проклятие, брат! Сними, — твердил родственник.

Дядя Вова хитро посмотрел на Ксению, а она даже ему подмигнула.

— Встань на середину кухни, — приказал Владимир Владимирович брату.

Мишаня растерянно встал.

— Дочка, возьми мел и очерти-ка дядю Мишу кругом.

Ксюша повиновалась. Она рисовала дядю Мишу круг, еле сдерживаясь от смеха. Дядя Вова закрыл глаза, сосредоточился и неожиданно устремил руку с растопыренными пальцами в сторону брата:

— Снимаю!

НАУКА КРАСОТЫ

— Тебе надо поменять шампунь, — за неделю до Нового года сказала Валя после завтрака, выходя из кухни, и чуть дотронулась до головы мужа.

— Это почему? — опешил Сметанников и осторожно взялся за волосы.

— Шампунь, наверное, приелся твоей шевелюре, жиже стала.

Это что, шутка такая? Костя недоуменно посмотрел на спину жены в цветастом халатике. И, не допив чай, прошёл к зеркалу в коридоре. Включил светильник. Посмотрел на волосы. С одной стороны, с другой. Так и есть... Поредели...

Валентина, уже одетая в тёплое синее платье, вышла в коридор.

— Ты думаешь, это из-за шампуня? — спросил Костя, подавая ей пальто.

— Думаю, да. Бальзамом никаким не пользовался?

— Скажешь тоже! — фыркнул Сметанников. — Бальзамом... Я их отродясь не признавал! Только если внутрь, — усмехнулся он.

Валя пожалала плечами и, поцеловав мужа, ушла на работу. Костя, оставшись в одиночестве, вновь припал к зеркалу. Только теперь к большому, в спальне. Он и так, и сяк поворачивал голову, наблюдая за изображением напротив. Признаться, Сметанников не отличался завидной густотой волос. У него никогда не было того заливчатого чуба, как у Толика Рыбокопя, или могучей рыжей гривы, как у Саньки Шалого, но всё же... Теперь же количество плоских волосёнок значительно уменьшилось. Посему и вердикт после осмотра был вынесен однозначный: облысение не за горами. И как же он проморгал тот момент, когда всё только началось? Почему ему его умная голова не дала знак: так, мол, и так, лысею?..

Он в отчаянии отошёл от зеркала и лег на кровать, закрыл глаза. Вот и началось то, чего Костя так сильно боялся. Его отец уже в тридцать хо-

дил с причливыми залысинами, а потом и вовсе от волос остались одни воспоминания.

Он дотронулся до головы. Вот скоро здесь или, может, здесь, или вот тут засияет... Он похлопал себя по макушке. А по бокам беспомощно будут ожидать своей участи жалкие остатки волос. Сметанников аж схватился за сердце. Дети на улице будут дразнить: “Лысая башка, дай пирожка”. Валька найдёт себе другого. Ведь она как-то обмолвилась, что терпеть не может лысых, хотя, правда, тут же уточнила, что, мол, если по болезни, то ещё куда ни шло, а если нарочно обриваются, чтобы выглядеть такими брутальными, то ничего в том прекрасного нет. Ходят всякие Гоши Куденко, сверкают своей лысиной, вместо того чтобы умом блистать или талантом. “Вот и меня невзлюбит, — горестно думал Сметанников, — потерпит-потерпит немного, а потом скажет: “Ну, все, лысый, жалость свою я к тебе исчерпала”.

Маша, дочка, останется без отца. Её будет воспитывать отчим, а его, Константина лысого, и на порог не пустят, чтобы не травмировать детскую психику, ведь Маша другого дядю будет называть папой.

Ситуация тупиковая. Да, медицина не стоит на месте, и много предлагается различных методик по уходу за здоровьем, в том числе и за волосами. Пересадки всякие и прочее. Но на это нужны деньги, и немалые! А у Сметанниковых их попросту нет! В начале года оформили ипотеку, и ежемесячно кругленькая сумма, минуя кошелек, отправляется на погашение долга.

Сколько раз он говорил себе: лысые не всегда плохо живут, и любят их, и прочее. И вообще это не самое плохое, что может случиться с человеком. Но тут же себя раздраженно одёргивал. Ещё чего не хватало: воспевать лысого!

“Чего-то не хватает у меня в организме, — подозревал Сметанников. — Но чего???”

— Толик, отчего лысеют, не знаешь? — обратился он на работе к приятелю.

— Мужчина лысеет с макушек от чужих подушек, — весело отозвался Толик.

Сметанников полез в интернет, нашёл нужный сайт: “Готовим целебное снадобье против облысения. Возьмём жир льва, бегемота и...” Издеваются, что ли?... Найдя другие сайты и начитавшись советов, Сметанников зашёл в зоомагазин и купил шампунь для конской гривы. Оставил его в своей сумке, но Валя, ища какую-то квитанцию, заглянула и туда.

— Это что такое?

Хоть на носу и Новый год, но ведь не скажешь: “Это тебе, дорогая, на праздник!” Пришлось соврать, что купил для начальницы. Из всех знакомых только у неё имелась лошадь в загородном доме.

— Она сама как лошадь! Эта ваша Глафира. И выглядеть она что-то стала ужасно в последнее время. Денег куры не клюют, а страшилище редкое стала.

— Это ещё что! — поддакнул в ответ Костя. — Я недавно Верку Мочалину встретил, в подъезде на одной площадке жили, ровесница моя. Так я обомлел! Симпатичная девчонка была. А тут гляжу: морщина на морщине. Особенно под глазами. Я не рискнул спросить, что у неё за жизнь такая, если в тридцать с небольшим в полустаруху превратилась.

Валентина ушла принимать душ. Нарочно включила воду, а сама принялась рассматривать своё лицо.

Морщины... Особенно под глазами...

Сметанников работал в фирме по ремонту компьютеров. За три дня до Нового года к ним зашла молодая обаятельная девушка.

— Я представляю косметическую фирму “Наука красоты”. И перед Новым годом у нас специальное предложение. Мы хотим подарить каждой женщине бесплатное посещение косметолога. Это в рамках рекламной акции. Во-первых, так о нас больше людей узнает. А во-вторых, если понравится наше обслуживание, советы специалиста, человек заинтересуется и придёт к нам вновь. Мы на первом посещении, которое бесплатное, делаем диагно-

стику, выявляем недостатки и предлагаем в дальнейшем помощь в их устранении. Согласитесь, что каждая женщина хочет потрясающе выглядеть. Да и не только женщина. У нас очень много клиентов-мужчин.

— А мужики-то чего к вам прутся? — оторвался от монитора Андрей Баринов.

— В последнее время мужчины едва ли не больше женщин стали следить за своим внешним видом. Ухаживают за лицом, за волосами.

— И помогает? — хрипло спросил Сметанников. Ему показалось, что при слове “волосы” эта миловидная девушка пристально посмотрела именно на него.

— А вы лучше придите и удостоверьтесь.

— Ну уж нет! — замахал руками Баринов. — А вот жёнам мы обязательно скажем.

— Да, да, пусть побалуют себя перед праздничком, — поддержал его Сметанников.

— Тогда мне нужны телефончики ваших жен, чтобы мы могли позвонить им и договориться на время, удобное им. Вот запишите номера их телефонов на этот листочек. — И она достала из сумки блокнотик с ручкой. — И имена укажите.

Когда до Сметанникова дошёл блокнот, он записал в нём номер телефона не Валентины, а свой, при этом указав имя жены.

Позвонили ему часа через три, он как раз вышел на улицу, закончив работу.

— Валентина? Здравствуйте! — Голос звонившей был радостным, даже восторженным. — Вас беспокоят из центра “Наука красоты”. Вам удобно разговаривать?

— Да, удобно, — ответил Сметанников, — только я не Валентина.

— Простите. А можно услышать Валентину?

— Дело в том... — замялся Костя. — Вы говорили, что к вам и мужчины ходят...

— О, сколько угодно! У нас много мужчин-клиентов.

— Мне бы хотелось стать одним из них.

— Мы будем только счастливы! Представьтесь, пожалуйста.

— Константин.

— Какое редкое и красивое имя! Очень приятно. К сожалению, до Нового года у нас всё уже расписано. Есть только утро 31 декабря.

К Новому году Сметанников заранее купил подарки. Жене — серебряный кулон в виде сердца, дочке — пушистую мягкую игрушку-кошку. Кошка пела что-то непонятное и забавно шевелила лапами. Утром 31 декабря он сказал жене, что идёт покупать к празднику торт, а сам отправился в “Науку красоты”. За стойкой в приёмной сидела симпатичная улыбчивая девушка с бейджиком “Ангелина”.

— Как мы рады вас видеть! — прошептала она.

Сметанников невольно оглянулся. Никого в салоне, кроме них двоих, не было.

— Вы у нас кто? — спросила девушка.

— Константин Сметанников, — ответил он неуверенно, словно сомневался в правильности своего имени.

— Прекрасно! Константин Сметанников. Да, вижу. Вы на десять? Будьте добры, ваш паспорт.

Пока девушка заполняла анкету, Костя рассматривал приёмную. Безукоризненная чистота, сертификаты на стенах, стеклянные стоечки с банками, много растений, правда, искусственных, но с первого взгляда и не отличишь. Довольно уютно.

Его попросили подождать в следующем зале. Он прошёл в соседнюю комнату, предварительно натянув на ботинки бахилы.

Интерьер следующего помещения выглядел гораздо роскошнее предыдущего и был оформлен с большим вкусом. Огромный диван. Сметанников, сняв куртку, осторожно сел на него. Мягкий. Напротив висел большой плазменный телевизор, по которому острили “Уральские пельмени”. Юмор пар-

ней немного раскрепостил зажатого Сметанникова. Он поудобнее расположился на широченном диване.

Вошла девушка из приёмной, Сметанников тотчас же выпрямился.

— Кофе, чай? — заботливо предложила она.

Ему ничего не хотелось, но отказаться было неудобно. Он заказал кофе.

На столе стояла большая ваза из зелёного стекла, доверху наполненная малюсенькими сосательными конфетами. Надо съесть одну, чтобы изо рта не пахло. Костя осторожно взял конфетку и, оголив её, отправил в рот. Что делать с фантиком, он не знал, смял его и сунул в карман.

Ему принесли кофе, он выпил, а его всё не приглашали и не приглашали на сам приём. Наконец, появилась девушка в белом халате. На вид лет двадцати пяти, невысокая.

— Здравствуйте! Я мастер-консультант по волосам.

Извинений за столь долгое ожидание не последовало, зато на лице мастера яркой лампочкой светилась счастливейшая улыбка, будто она встретила родного брата, без вести пропавшего лет десять назад.

— Меня зовут Татьяна. Я за вами, Константин Львович!

Константин Львович смущённо кивнул и, захватив одежду, прошагал за лампочкой. Они зашли в небольшой зал, рассчитанный не на одного посетителя. Однако, вероятно, по причине праздника, больше никого в зале не было. Устроившись в кресле напротив зеркала, Костя украдкой глянул на своё отражение. На него выжидательно смотрел испуганный уродец.

— Рассказывайте! — чуть наклонилась к нему Татьяна.

— Чего? — пролепетал он.

— Как вы докатились до жизни такой, — усмехнулась она.

— До к... какой? — сглотнул Костя.

— Вы разве не видите, в каком ужасном состоянии ваши волосы?

— Вижу, — словно нашкодивший первоклассник, сказал Костя.

— Константин Львович! Я не хочу вас пугать, но... — Татьяна замаялась, — но... В общем, у вас начальная степень облысения.

— Начальная? — обрадовался Сметанников.

— Да. Но ведь вы не хотите, чтобы это усугубилось?

Сметанников отчаянно замотал головой.

— И никто не хочет, — вздохнула Татьяна. — Всё-таки лысина не красит... Сколько отчаявшихся в борьбе за хорошие волосы, и сколько проигравших!

Сметанников вздрогнул.

— Но вам повезло, что по счастливому стечению обстоятельств вы попали к нам. Прекрасно, что вы откликнулись на наши предложения, а не отмахнулись. А ведь многие мужчины редко на себя тратят деньги. Стесняются быть ухоженными, иметь здоровый вид. Согласитесь, что это глупость. Скажите, Константин, а как вы ухаживаете за волосами?

— Я?... Я мою их. Расчёсываю.

— Ясно... Каменный век. Вы хотите, чтобы ваши волосы стали цветущими, красивыми, бодрыми?

Как волосы могут быть бодрыми, Сметанникову представлялось с трудом. Больше всего ему хотелось, чтобы страшное слово "облысение" никогда не переступало порог его мозга.

— Наверное, вы хотите спросить, каким образом? — загадочно улыбнулась Татьяна и тряхнула своими распущенными волосами, как кобылица гривой. — Развернитесь!

Сметанников повернулся вместе с креслом. Перед его взором на изящной этажерке предстали тюбики, баночки, флаконы.

— Израильская космецевтика! — гордо произнесла мастер-консультант. — В её состав входит экстракт чёрной икры. Да, да! Не удивляйтесь! Экстракт самой чёрной икры. — Татьяна плавными движениями открыла одну из баночек и поднесла Константину. — Видите?

Сметанников наклонился над баночкой и действительно увидел маковые зёрнышки.

— Икринки — зародыши новой жизни, они несут огромный энергетический и питательный запас для будущего потомства: натрий, калий, магний,

фосфор... — Она перевела дыхание. — ...железо, витамины D, A, E, F, микроэлементы. Да! Ещё и кальций!

Константин со знанием дела многозначительно кивнул.

— Поэтому экстракт икры оказывает живительное действие на кожу, прекрасно усваивается и не вызывает никаких аллергических реакций.

— А икра чья?

— Израильская, — уверенно ответила консультант.

— Я в смысле рыб...

— Осетровых.

— А откуда в Израиле столько осетров? — робко поинтересовался Сметанников.

— Ну, что вы! — Татьяна бросила высокомерный взгляд на клиента, но тут же улыбнулась. — В Израиле всё есть!

— Как в Греции? — пытался пошутить Константин.

— Ещё и больше. Хотите испробовать на себе действие лечебной косметики?

— Да, разумеется!

— Прекрасно! При этом вы следите за своими ощущениями. А по окончании процедуры вы увидите, какой будет результат. Уверяю вас, с первого раза почувствуете, насколько ощутима разница между тем, что было и что стало. Ну что, готовы? Начнем!

Татьяна намочила ему волосы.

— Спа-уход для волос состоит из нескольких подходов. — Она взяла в руки флакон с этажерки. — Во-первых, очистка. Как вы думаете, чем мы будем очищать волосы?

— Очистителем, — улыбнулся Сметанников.

— А вот и нет! Мы будем очищать волосы шампунем. Да, да! Шампунем. Но необычным. Этот шампунь уникален. В его составе нет соли. Поэтому он, в отличие от других, эффективно нормализует “пи-эйч” волос и даёт им жизненную силу. Обратите внимание, какой минимальный расход. — Она выдавила на ладонь гелеобразную кроху и нанесла её на волосы Константину.

Запах, шедший от этой капли, сразу очаровал Сметанникова.

— Хороший запах, — сказал он.

— Да, все эти чудодейственные препараты обладают невероятным запахом и успокаивают нервную систему.

Костя расслабился. Приятно скользили руки Татьяны по его нашампуненным волосам. А вдруг и вправду помогут эти процедуры? И эта, как её... космоцветика израильская.

— Следующий этап, — продолжила Татьяна, после того как смыла шампунь и чуть подсушила ему волосы феном, — нанесение на волосы целебной маски.

— Тоже на основе чёрной икры?

— Да. Но ещё она содержит облепиховое и оливковое масла, комплекс уникальных силиконов, пчелиное молочко и растительные экстракты граната и зелёного чая. И даже жир льва.

— И бегемота?

— Ну нет, бегемота нет, — улыбнулась девушка.

Татьяна взяла в руки баночку и заострила на ней внимание Константина.

— Заметьте! Всё продумано, и даже то, что баночка с матовой поверхностью.

— Для чего?

— Из мокрых рук не выскальзывает.

Она тщательными массирующими движениями нанесла маску на волосы Сметанникова, втирая её в кожу головы.

— Это мы проделали третий этап — массаж головы по маске, направленный на стимулирование роста волос. Теперь же оставим маску на десять минут, а потом смоем её. Применять маску следует два раза в неделю. Справитесь, Константин?

— Конечно, справлюсь.

— Чтобы вы не скучали, позвольте угостить вас чаем или кофе. Что вы предпочитаете?

— Кофе я уже пил. Давайте чай.

Татьяна мило улыбнулась и вышла. Вернулась, держа в руке блюдце с чашкой, из которой шёл пар.

— Осторожно, горячий! Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно!

— Ничего не беспокоит? Нет неприятных ощущений?

— Нет, нет, всё хорошо! Наоборот, только приятные ощущения.

— Прекрасно! Я тогда, с вашего позволения, отлучусь на пару минут, а как вернусь, масочку съем.

Сметанников остался один в зале. Он отхлёбывал из кружки ароматный чай, растекающийся блаженством по всему его телу, и непрерывно смотрел на себя в большое зеркало. Вдруг он почувствовал такую лёгкость, что захотелось встать и кружиться по этому большому зеркальному кабинету, как на балу Ростовых в фильме “Война и мир”. Константин взглянул на этажерку с баночками. Вот оно, то самое спасение, решение всех проблем. Он не будет лысым, от него не уйдёт жена, дети не будут кричать: “Лысый, иди пописай!” Вот она, панацея! Протяни руку, и все твои печали и горести исчезнут. Вот оно, твоё счастье, протяни руку! Надо брать, сколько бы это ни стоило.

Вошла Татьяна.

— Не скучали? — И вновь лампочкой засияла улыбка.

Константин улыбнулся в ответ. Хорошая девчонка! Приветливая, доброжелательная, всё так подробно объясняет ему, профану.

— Не уверена, что так делали мужчины. — Татьяна смывала маску с головы клиента. — Но многие из женщин пробовали делать маски дома самостоятельно. Любят смешивать мёд с маслами, коньяком, яичными желтками или чёрный хлеб с кефиром.

Константин усмехнулся: как это всё ему знакомо! В последнее время чего он только не пробовал смешивать тайком от всех.

— Но смею вас уверить, Константин, ничто не сравнится с маской на основе чёрной икры. Даже разовое её использование равносильно двухмесячной подпитке домашними травами.

— Вот так да!

— Маска для ваших волос должна быть не деликатесом, а постоянным питанием. Представьте себе, Константин, как будут выглядеть ваши волосы, предположим, через месяц. Упругие, увлажнённые, у корней дадут объём. Маска питает кожу и корни, лечит кожу головы и уменьшает выпадение волос. Константин, внимательно прислушайтесь к себе и скажите, какие у вас ощущения в области головы. Может, конечно, с первого раза это будет сложно почувствовать.

— Нет, нет, — уверил её Сметанников, — я как раз хотел сказать, что ощущаю тепло, сильное тепло.

— Что и требовалось доказать. Ваша голова и волосы откликнулись на процедуры. Поэтому ни в коем случае нельзя, чтобы это было разовой акцией. А теперь я вам высушу волосы, и мы посмотрим на результат. Я уже вижу, что он очевиден. Скоро увидите его и вы.

Сметанников хотел ещё говорить о своих ощущениях, но не успел, поскольку вой фена заглушил его намерения.

— Ну вот, — сказала Татьяна, откладывая фен, — мы у финишной прямой. Во все глаза смотрите теперь на себя, да повнимательнее.

Она сняла накидку с клиента.

Константин приблизился к зеркалу и... не поверил своим глазам.

— Это чудо, — только и мог вымолвить он.

— А что я вам говорила! Посмотрите, какой объём, какой блеск! Как вы сами сияете! Это вид не того жалкого мужчины, который переступил порог нашей “Науки красоты”. Я права, Константин?

— Ещё как...

— Константин, а теперь о самом главном. Да оторвитесь вы от себя любимого! — засмеялась Татьяна.

Константин сел на прежнее место.

— Вы поняли, исходя из своего опыта, не понаслышке, что преимущество профессиональных препаратов заключается в их эффективности. Они

не просто очищают загрязнения, но и лечат волосы, причём быстро и качественно. Вы чувствуете разницу? Вам нравятся свои волосы? Вы хотите, чтобы они у вас были такими и ещё улучшались? Вы хотите пользоваться косметикой на основе чёрной икры?

На каждый вопрос следовало утвердительное “да” клиента Константина Сметанникова.

— Теперь о цене. Стоимость всей серии по уходу за волосами составляет девять тысяч. Но! Поскольку вы попали к нам в период акции, вы можете приобрести чемоданчик с косметикой за небольшую плату, а это шампунь для волос, восстанавливающая ампула на чёрной икре, средство для укрепления волос. — Татьяна перечисляла, что входит в набор, и тут же демонстрировала это Сметанникову. — Итого девять компонентов стоимостью сорок девять тысяч девятьсот рублей. Согласитесь, недорого по сравнению с тем, что получается и ещё получится в итоге. К тому же, вы видели, какой минимальный расход каждого продукта. Этого чемоданчика вам хватит на год, а то и больше. Единственное условие — набор нужно покупать весь целиком. Но там бесполезных вещей нет, уверяю вас.

— Так сколько вы сказали конечная стоимость? — переспросил Константин.

— Покупая сегодня, вы вместо ста тысяч платите сорок девять тысяч девятьсот. Кстати, вы можете на набор оформить кредит.

— А мне дадут?

— Почему нет? Сколько работаю, не помню случая отказа нашим клиентам в кредите на косметику.

— Не факт, что дадут, висит ипотека. Вылетает больше половины зарплаты. Недавно хотел холодильник взять в кредит, так ведь не дали. И здесь не дадут.

Сметанникова вдруг охватила паника. Он жалобно взглянул на своё отражение в зеркале. Что же это получается? Прощай волосы, прощай счастье? Из-за каких-то сорока девяти тысяч? Нет! Выход есть.

— Скажите, а за наличные можно приобрести это? — Он окинул взглядом баночки, флакончики и тюбики.

— Разумеется. Это ещё и лучше, просто кредит мы предлагаем как вариант. Честно говоря... — Она склонилась над Сметанниковым. — Не очень-то и выгоден этот кредит, переплата за год одиннадцать с лишним тысяч. Банки ведь не будут работать на добровольной основе.

— Тем более!

— Вы хотите сразу наличными расплатиться?

— Да, — уверенно сказал Константин. У него в портмоне лежала карточка, на которую на днях перечислили зарплату за декабрь и премиальные к Новому году. В итоге ровно пятьдесят тысяч.

— Составляем договор?

— Составляем! — выдохнул Сметанников и подмигнул своим волосам в зеркале.

Покидал “Науку красоты” Константин Сметанников в благоприятном расположении духа, с увеличенным объёмом волос и уменьшенным — кошелек. Зато у него в руках был спасительный чёрный чемоданчик с девятью компонентами из обязательной серии и десятком — подарком от фирмы.

К тому же его как vip-клиента доставили до дома на такси. По пути Сметанников попросил водителя остановиться у цветочного киоска. Оставшихся ста рублей хватило на два тюльпанчика — по цветку жене и дочери.

Вернувшись домой, Костя застал жену в раздумьях.

— С наступающим! — Он протянул ей белый тюльпан.

Не сказать, что Валентина была слишком обрадована этому чудесному нежному цветку.

— Где ты был?

— Как где? За цветами ходил.

— Полдня?

— Знаешь, какие очереди...

— Сметанников! Перестань мне врать! Я знаю, где ты был! Ты не за цветами ходил.

— А куда? — упавшим голосом спросил Константин.

— Ты был у любовницы!

— У кого?

— У любовницы!!! Ты думаешь, я дура? Муж ходит замкнутый, на жену не обращает внимания, косвенно намекает ей на морщины...

— На морщины? Валя, да ты чего?

— А ничего! Стал постоянно уделять себе внимание, от зеркала не оторвёшь, масочки какие-то себе делать стал, чего отродясь не бывало.

Сметаников виновато смотрел на напольную плитку, выскивая какой-нибудь рисунок в её разводах.

— Думаешь, я ничего не вижу, ничего не замечаю? Серебряное сердечко кому? Не успел захватить, забыл?

— Валя, тебе!

— И шампунь лошадиный мне?

— Нет. Я никому его...

— Муж уходит перед Новым годом с самого ранья, приходит для отвода глаз с цветочком, а от самого кремами разит! Словно весь косметический салон на себя измазал. И ты говоришь, у тебя нет другой женщины?

— Валя, ну, нет у меня никого! Нет!

— А почему тогда пахнет за версту духами или ещё чем там?

— Валя, это я был в салоне.

— Где? — Жена оторвала голову от стола.

— В салоне.

— В каком ещё салоне?

— Помнишь, ты сказала, что у меня стало меньше волос на голове.

— Я не говорила такого.

— Нет, говорила.

Валентина нахмурилась, припоминая.

— Я говорила, что шампунь надо сменить.

— В общем, уже не важно. Мне грозило облысение.

— А с чего это ты взял? Трихолог сказал?

— При чём тут трихолог? Я тебе не изменял! — взвизгнул Сметаников. — И не надо меня...

— Трихолог — это специалист по волосам, — устало пояснила жена.

— Значит, может, и трихолог. Специалист, одним словом.

На кухню зашла Маша в нарядном платье.

— Машенька! Вот тебе цветочек! — Сметаников протянул дочери тюльпанчик. — С наступающим Новым годом, милая.

— На большее у папы не хватило. На тётю всё потратил, — зло глядя на мужа, процедила Валя.

— Ну, что ты такое говоришь! Я ей ещё кота купил. То есть кошку. Она песни поёт и руками шевелит. Смешно очень!

— Ага, обхохочешься! Маша, иди поиграй, дай папе доврять спокойно.

— Валя, я не обманываю. Я правда был на лечении волос, сейчас докажу, если не веришь.

Константин вышел из кухни и вернулся с чемоданчиком.

— Вот!

— Что это?

— Это космо... косме... фармацевтика. На основе чёрной икры. Видишь, какие у меня волосы стали? Теперь я не буду лысеть.

Валя взяла в руки чемоданчик, повернула его в одну сторону, в другую, открыла, заглянула в него и достала одну из баночек. А потом, бросив её обратно, залилась истошным смехом.

— Ы, ы, ы, — гоготала она. — “Наука красоты”, что ли?

— Ну да, — замылся Сметаников, — а чего смешного?

— И ты купил?

— Да! — с вызовом ответил Константин.

— В кредит?

— Зачем мне переплаты? Наличными.

— Где взял?

— С карточкой зарплата. Тягдесят тысяч на днях перечислили.
— Ты дурак, что ли? — накинулась на него жена, сменив смех на гнев. — А ипотеку в январе ты чем платить будешь?
— Подумаем. — Сметанников почесал затылок.
— Так ты весь полтан и вбухал на этот чемодан?
— Сорок девять девятьсот. Сто рублей на цветы оставалось.
— Ну почему так? Ну почему? Ну почему у меня муж такой балбес?! — Валентина то причитала, то неожиданно начинала смеяться.
— Валя, почему сразу балбес? Выкрутимся как-нибудь. Зато лысым не буду. И ты не уйдёшь от меня.

— Знаешь, Костя, а ведь многие попадают на удочку этих мошенников.
— Почему мошенников? — искренне удивился Сметанников.
— Да потому что цены у них в десятки раз завышены! Да садись ты, чего возле двери мнешься. Когда ты стал холодно ко мне относиться да про морщины заговорил...

— Валя, не было этого!
— Значит, мне показалось. И я тоже решила начать с внешности. С морщин этих. На одном из сайтов попало объявление о бесплатном посещении косметического центра. Я было уже записалась, и в день приёма на работе стала отпрашиваться на процедуры, тут-то мне и рассказали, что это развод чистой воды. Что зовут на бесплатные сеансы, а сами заставляют подписывать кредит.

— Ну, как это человек подпишет бумаги, если не захочет?
— Как, как, кверху каком! Убеждают всячески. Говорят, в чай, кофе чего-то подливают, что человек становится согласным. Тебя там чайком, кофейком случайно не потчевали?

— Было дело. И чайком, и кофейком. А волосы? Лучше ведь стали, согласись!

— По-моему, какие были.
Сметанников пошёл к зеркалу. Странно, ему казалось, что волосы стали гораздо лучше после “Науки красоты”. Теперь же они выглядели, как обычно.

— Да я тебе феном высушу их, да так приподниму, что на вавилонскую башню будешь похож, — сказала Валентина, едва растерянный муж переступил порог кухни.

— А почему тогда народные средства мне не помогали?
— Во-первых, ты их наскоком делал, не систематически. Метался от одной маски к другой. А во-вторых, сам убедил себя, что это не помогает. Проблемы — они-то ведь не на голове, а в голове. И с чего вообще ты взял, что вот-вот готов облысеть? У тебя волосы как волосы. Нормальные, даже хорошие, я бы сказала.

— Скажешь тоже, хорошие! — Сметанников с укором посмотрел на жену. — У меня генетически они плохие! Вон и отец облысел совсем.

— Знаешь, как специально для сегодняшнего разговора, мне на днях попала статья. Немецкие учёные установили связь между лысыми мужчинами и их матерями. Да-да, не отцами, а матерями. И связь прослеживается не с лысеющим отцом, а с бабушкой по материнской линии! А материн отец, твой дед, насколько мне помнится, казак был лихой, голова к земле клонилась от тяжести кудрей.

Сметанников ошарашенно смотрел на жену.

— А что ты ещё узнала?

— Да много чего. Не одна дурочка с работы у нас там побывала. Намажут, говорит, пол-лица каким-то кремом, а вторую нет. Видите, говорят, как за три минуты намазанные пол-лица посвежели, все морщины разгладились, всё подтянулось. Приборчиком ещё каким-то поводят, а потом тащат в другую комнату на диагностику компьютером. Внушают: там, где намазано, как у ребенка кожа стала, а та, что ещё не испытала влияние крема, — увядающая. Причём, — что у двадцатилетней, что у старухи. А самое смешное Лидка рассказывала. Ей намазали левую щеку, а правую оставили, как есть, и потащили к компьютеру на диагностику. “О, как дела плохи у вас, — го-

ворит ей девица, и по правой, по не намазанной, скользит прибором. У самой, кстати, тональный крем в семь сантиметров. — У вас то-то и то-то”. И кучу проблем называет. А вот здесь, где использована маска, — превосходно. А Лидка ей: “Вы перепутали, где всё превосходно — моё, без вашего вмешательства, а где всё хреново — так мне там обработали”. — Валентина рассмеялась. — В общем, дурят народ, как могут. Я потом ещё отзывы в интернете почитала. Скольких обманули! Многие даже судились и причём выигрывали суды. Ещё пишут, что страшная аллергия появлялась. А специалисты там никакие не специалисты по косметике, а так называемые менеджеры по продажам.

Костя вздохнул. Ему всё ещё не верилось, что он попался на удочку “Науки красоты”.

— Валя, а плюсы-то есть, — сказал он, — год не будем покупать шампуни, расход-то у них минимальный. Да, и ещё! Когда мы позволим себе на голову икру намазывать? Может, только когда с ипотекой расплатимся.

— Уж лучше за такие деньги купить банок пять настоящей икры, да ложками её, ложками... Эх!.. Сметанников, где там сердечко твоё серебряное? Дари уже, а то скоро Путин по телеку поздравлять будет. И кошку, которая дирижирует, Марье отдай. Пусть повеселится.

Новый год семейство Сметанниковых отпраздновало весело, подпевали кошке, которая дирижировала ими, распевали песни, съели ведро салата оливье, выходили на улицу запускать салют и лишь в пять часов утра в хорошем настроении легли спать.

Часиков в девять Костя, проснувшись, увидел, что жены нет рядом. Зато из кухни доносились всхлипывания. Он сразу туда. За небутанным после пиршества столом сидела Валя в ночной рубашке, а перед ней — чемоданчик из “Науки красоты”. Жена, склонившись над ним, тихонечко плакала.

— Валя, ты чего? Ну, чего ты? Да не расстраивайся так. — Сметанников погладил жену по голове. — Я дурак, осёл, но мы придумаем что-нибудь, обещаю тебе. Вчера же обо всем договорились. Не плачь. Валя, ну, успокойся же! Дала же тебе этот мой чемоданчик... Нашла из-за чего расстраиваться!

— Это не твой чемоданчик, — сквозь плач еле-еле выговорила жена, — это мой.

— То есть?

— А вот то и есть. Я тоже была в этой “Науке красоты”. Также купила вот это... — И Валя опять зашлась слезами.

— Как была? Как купила? Ты же говорила, что тебя на работе отговорили. Лидка твоя. — Константин только сейчас заметил, что второй такой же чемоданчик красуется на стуле возле холодильника.

— Да сама я Лидка! Не Лидка ходила туда, а я, дура. Мне уже потом про надувательство рассказали. И в интернете прочла.

— Да как же так?.. Ты же не поверила... Про щёку рассказывала...

— Да сама не знаю, как! Вроде бы сначала не соглашалась, а потом как они меня убедили, сама не пойму? Может, чай, а?

— Чай, блин... Кофе, блин... В кредит? — упавшим голосом спросил Сметанников. — С переплатой?

— А как ещё? Денег у меня несколько не было, да и они говорили, что бесплатно. Думала, схожу, посмотрю, может, что путное скажут. Бесплатно ведь на первый раз. Всё из-за морщин этих проклятых... Спасения во всём искала. Я ведь думала, у тебя баба какая появилась.

— Что-то много всего у меня появилось за последнее время — и баба, и лысина, — улыбнулся Костя.

— А баночки-то одинаковые. Я их разглядела, и твои, и мои.

— Как одинаковые? У меня для волос, у тебя для кожи.

— А ты попробуй различи, что тут для волос, что для кожи. На коробочках всё не по-русски и даже не по-английски, одни только эти козявочки — иврит.

Сметанников прошёлся по кухне и, серьёзно посмотрев на жену, сказал:

— В таком случае оба набора мне.

— Почему?

— А вдруг у тебя на лице волосы начнут расти? На щеках, на лбу, на подбородке.

— Ужас какой!

— Нет уж, Валюшенька, — с приливом небывалой нежности обнимая жену в это первое утро наступившего нового года, хохотнул Костя, — эпиляцию мы с тобой не потянем!

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Незнакомич с грохотом ввалился в коммуналку.

— Что грохочешь! — Бабка Таня выглянула из своей комнаты. — Каждая козявка шумит.

— Сидите у себя и не высовывайтесь понапрасну! — Злой Незнакомич толкнул соседкину дверь.

Это, конечно, он сделал зря. Казалось, бабка Таня только и ждала, чтобы с кем-нибудь пособачиться. Она широко распахнула дверь своей комнаты и завопила:

— Люди добрые! Вы только посмотрите на него! Три дня в начальниках, а уже важнее самого товарища Молотова!

Незнакомич молча прошагал по длинному коридору в свои двухкомнатно-смежные покои. На пороге его уже ждала встревоженная жена. Бабка Таня всё ещё что-то кричала вслед соседу.

— Что опять ей надо? — Луиза посмотрела на мужа.

— Да ну её!

— Я вот найду на неё управу! Не посмотрю, что старая! — крикнула в пространство коридора жена, закрывая дверь. — Ведьма!

— Ты-то хоть не будь дурой, не связывайся с ней. — Незнакомич, не раздеваясь, прошёл к окну и распахнул его. Уличный шум нарушил тихое и складное состояние комнаты.

— А чего она? — Луиза скорчила гримасу и вмиг сделалась обидчивой, дескать, я за тебя заступаюсь, а ты мне ещё и выговариваешь.

Незнакомич чуть ли не с разбега рухнул на чёрный диван с высокой спинкой и закинул ноги в сапогах на подлокотник, аккуратно на белые кружева.

— Незнакомич! — Луиза в ужасе подскочила к мужу. — Ты в своём уме!

“Заткнись!” — так и хотелось сказать Незнакомичу, но он, положив руку на лоб, закрыл глаза. Луиза вытащила из-под сапог белоснежную салфетку и прижала её к груди.

— Это память о маме, а ты сапогами! — прошептала жена, невольно срифмовав.

— Кого? Маму сапогами? — переспросил Незнакомич рассеянно.

— Память! Память сапогами! — И в голосе Луизы звякнули слёзы обиды.

Незнакомич нервно соскочил с дивана, выхватил из рук жены салфетку, кривляясь, поцеловал её, положил на подлокотник и бережно разгладил, а затем пулей вылетел из комнаты. Он был страшно раздражён, но срывать злость на почти плачущей жене не хотелось, поэтому Незнакомич без стука, ворвавшись в комнату бабки Тани, с порога процедил сквозь зубы:

— Ещё раз обидишь Луизу или косо помотришь в мою сторону, ни тебе, ни внуку твоему не поздоровится! Уж я постараюсь. Поняла?

Соседка растерянно глядела на взбешённого Незнакомича.

— Поняла? — заорал он. — Ни тебе, ни внуку твоему, раздолбаю!

— Поняла, батюшка, поняла. — Бабка Таня вжала голову в плечи. За себя она не переживала, а вот за внука... Тот и вправду был непутёвый, но Бог пока миловал с наказаниями.

— Вот то-то же! — сказал Незнакомич уже более миролюбивым тоном. — Гляди у меня! С этого дня жизнь меняется.

Тем временем Луиза, сменив гнев на милость, накрывала на стол.

— Руки! — грозно сказала она, когда муж вернулся.

Тот вытянул руки вперед и впервые за вечер шутливо посмотрел на жену.

— Мыть! Мы-ы-ыть! — она завернула мужа обратно в коридор.

За время его отсутствия на столе, покрытом светлой скатертью, помимо еды, красовались гранёные стопки.

— А это уже совсем другой разговор. — Незнакомич потёр крепкие ладони.

За ужином Луиза весело щебетала, забыв сапоги на кружевах. Незнакомич сосредоточенно молчал. Его широкое загорелое лицо оставалось бесстрастным.

— Вкусно? — спросила Луиза.

Незнакомич откинулся на спинку стула.

— Не обижайся. У меня сегодня день не из лёгких.

— На работе что-то стряслось?

— Завтра мне предстоит участвовать... В общем, будем храм разрушать.

— И что?

— Храм разрушать, — повторил Незнакомич.

— И что такого?

— Что-что... Непокойно у меня на душе, вот что.

— Из-за храма?

— Ты, Луиза, дура, что ли? — Незнакомич в сердцах кинул ложку на стол. — А из-за чего ещё? Конечно, из-за храма.

Он вскочил и стал, выбрасывая ноги, вышагивать по комнате от двери к окну и обратно.

— Какой храм? — как можно более участливо спросила Луиза.

— В Путинках. Рождества Богородицы.

— На Малой Дмитровке? Так он давно уже мёртвым грузом стоит. Место только занимает. Роскошный, правда, зараза. Узорочье русское. — Луиза тряхнула кудряшками. — Только это не повод, чтобы жалеть ту церковь. Пусть даже она и последний шатровый храм.

Незнакомич остановился и в раздумье почесал щёку.

— А почему последний? А потом какие?

— Патриарх Никон прекратил после неё строительство шатровых храмов на Руси. Потом строились только крестово-купольные.

— А Патриарх Никон — это у нас век...

— Семнадцатый! — Луиза укоризненно посмотрела на мужа. — А указ был по поводу шатровых храмов в 1653-м.

— Не зазнавалась бы ты, историк Луиза Незнакомич!

— В чём-то она последняя, а в чём-то первая, — с гордостью делилась своими профессиональными знаниями Луиза. — Её придел был освящён впервые на Руси в честь Неопалимой Купины, то есть в честь иконы Божией Матери “Неопалимая Купина”, — поправила она.

— Которая от пожаров спасает? — уточнил Незнакомич.

— Естественно!

— Стало быть, церковь старая...

— Почти триста лет в обед. Кстати, мои родители там венчались. Ещё до революции. Недалёкие люди, — вздохнула Луиза.

При упоминании о родителях Незнакомич вздрогнул и снова заходил по комнате. Взгляд его невольно упал на кружевные диванные салфетки тещи. “И храм будто свит из белоснежного кружева”, — пронеслось у него в голове.

— А мы вот не такие, как они были, — продолжала жена. — Что за пошлость — венчаться? Фу... Хорошо, что они потом одумались и поняли, что религия — опиум.

Незнакомича бросило в пот.

— Луиза, это и волнует меня больше всего. Отец ведь твой храм Христа Спасителя разрушал.

— Принимал участие.

— А ведь на следующий день того... помер.

— Да, — кивнула жена.

— Ни с того, ни с сего. Лёг вот на него, — Незнакомич покосился на диван, — заснул и не проснулся.

— Лёгкая смерть!

— Так после того, как храм Христа Спасителя взорвали! На следующий день! Тебя это не удивляет столько лет?

— Нет, — спокойно ответила жена и встала из-за стола в желании убрать посуду. Незнакомич остановил её, снова усадив на венский стул.

— Луиза, — шептал он, — я не хочу завтра участвовать в этом деле. Я ещё пожить хочу. Как бы отказаться?

— Отказаться? — Жена тоже перешла на шёпот. — Что значит “отказаться”? Ты в своём уме? Тебя же арестуют! А потом и меня.

— Может, обойдётся? Заболею, ну, не знаю ещё, что. Придумаем.

— Нет! Ты пойдёшь! Я и не знала, что у меня муж — трус! — Она решительно встала и принялась за уборку.

Незнакомич сел на подоконник у раскрытого окна. Вывалиться, что ли? Тут не высоко, несильно пострадаешь. Жив-то уж точно останешься. Скажу, что сердце прихватило, вот и упал, пока жена посуду мыла. Он посмотрел на тротуарную часть под окнами и ясно представил, как свалится на весёлых, по-летнему разодетых прохожих. Симпатичная краля! — Незнакомич взглядом проводил молодую стройную девушку в цветастом платье, которого игрун-ветер чуть приподнял подол. — На неё бы упасть! Он засмеялся, довольный своей шуткой, но тут же осёкся. Да, не до шуток.

В комнату вошла Луиза. Муж опустил глаза, стыдясь своей недавней мысли о девушке.

— Чего ты так далеко выставился? Упадешь ещё! А ну, слезай с подоконника. — Луиза потянула его за рукав. — Кому говорят?

Незнакомич нехотя повиновался.

— Бабка Таня — сама любезность. — Жена вытирала посуду и составляла её в буфет. — Говорит, смотрит на нас с тобой и налюбоваться не может. И какая муха её укусила, ведьму эту?

— А давай тебе купим платье в цветочек, — неожиданно предложил муж, — а то у тебя то горох, то однотонное.

— Здравствуй! — Луиза оторвалась от своего занятия. — У меня три цветастых платья!

— Да? — смутился Незнакомич. — Тогда давай ещё одно купим, новое. Лето-то только началось.

— Завтра можно было бы. Воскресенье, выходной. Но ты, наверное, весь день занят будешь.

Незнакомич, вспомнив о предстоящем деле, тихонько чертыхнулся. Достал из кармана пачку папирос, закурил. Из головы не выходил тесть, умерший почти десять лет назад, в декабре 1931 — на следующий день после умерщвления храма Христа Спасителя. Может, совпадение? Ведь накануне тесть крепко выпил.

— Каюк Христу Спасителю! — с гордостью говорил тесть. — Взорвали, не отвертелся. Жаль, что не с первого раза. Крепкий, однако! А народу набегало! Со всей Москвы. Кидались свою богомольню отстаивать. Запомнился мне один с бородкой. Наверное, поп какой. Всё время пел протяжно: “Да простоят сей храм многие века...” И ещё один, в смушковой шапке. Тот, правда, не пел, а проклинал нас. Окаянными антихристами обзывал. Злобный, собака! Да и не только он. Дивлюсь я, сколько ненависти в людях...

Тесть в этот вечер был в центре внимания. Тёща подкладывала ему в тарелку мясного, сама наполняла из рифлёного графинчика стопочку, то и дело ласково глядя мужа по голове. Для неё, как и для Луизы, глава семейства виделся героем, они непрестанно засыпали его вопросами. Новоиспечённый зять молча внимал рассказу уважаемого тестя. В какой-то миг Луиза с долей негодования сверкнула на мужа. Мол, спроси чего-нибудь у отца, чего молчишь, как истукан.

— Неожиданно, — только и пришло на ум Незнакомичу.

— Что неожиданно? — вскинул бровь тесть. — Ещё в июльском номере “Правды” официально заявили о строительстве Дворца Союза Советских Социалистических Республик.

— И в “Известиях”, — поддакнула ему жена.

— Не по сердцу, что на месте храма такой дворец будет? — Тесть-большевик испытующе посмотрел на зятя.

Незнакомич не ответил. Ему очень нравился храм Христа Спасителя, и его мнение об этом соборе шло вразрез с мнениями специалистов. И совсем не похож он ни на самовар, ни на кулич. А бездушной архитектурой тут и не пахнет. Придумают тоже.

Как-то попалась ему на глаза брошюрка Кандидова “За Дворец Советов”. Незнакомич сперва пробежал глазами названия глав: “Ложно-историческая ценность Храма Христа Спасителя”, “Сказка о художественной ценности Храма Христа Спасителя”, “Храм Христа Спасителя на службе контрреволюции” - и других, подобных по смыслу. Забросил брошюру, не став её читать.

— А со взрывами тоже интересно получилось! — Тесть хвалился новостью дня. — Самый сильный был третий. И надо же такому случиться, что этот взрыв сделал простой рабочий-сезонник. Эээ... Фамилия — как ягода... А! Морошкин! Имя чудное, не вспомнить пока. Он всего-навсего охранял вход в помещение подрывного пункта.

— Как так? — тёща Незнакомича деланно всплеснула руками. — Специалистов, что ль, не нашлось?

— Как не нашлось? Там самые опытные подрывники собрались! Только когда и второй взрыв не взорвал храм, что началось! Видели бы. Богомольцы ликуют! Насмежаются над нами. У начальства пена изо рта. Орут благим матом. Неразбериха полная. Оконфузились, получается. Беготня началась. А как дали команду на третий взрыв, из техников никого у взрывной машины и не оказалось. Ну, и Морошкин тут как тут.

— Перед начальством выслужиться хотел этот ягодный, — тёща подобострастно взглянула на мужа. — А иначе куда лез малограмотный?

— Вот к таким выскочкам порой и приходит слава, — вздохнул тесть. — В общем, храм не устоял, а остальные взрывы доделали дело. Сейчас ещё разбирать руины предстоит, да и фундамент.

— Представляю, какой там ор стоял среди этих богомольцев, — тёща вновь наполнила тарелку мужа едой.

— И не говори, мать! Рыдали, как по покойнику, вот глупые-то.

На следующий день рыдали по самому тестю...

“Как бы по мне не пришлось рыдать в понедельник! — Незнакомич с тоской посмотрел на Луизу. — Сколько, интересно, она вдовой проходит? Год? Два? А потом замуж выйдет. И... — Незнакомича словно обдало холодной волной. — На нашей постели... Ну, уж нет!”

Храм в Путинках он уничтожать не пойдёт. Не пойдёт... Так тогда его самого уничтожат. И снова Луиза с другим в постели представилась ему. Что делать-то? Замкнутый круг какой-то...

— Скоро спать, а ты надымил так! — жена со всей силы размахивала полотенцем.

За десять с небольшим лет, что Незнакомич жил с ней, Луиза стала намного ворчливее, да и красоты в ней поубавилось. Только соломенные кудряшки по-прежнему вызывали в нем воспоминания о той юной особе, в которую он когда-то страстно влюбился. Мысль о том, что кто-то другой, а не он сам, может любить его жену, была ему папиросой в сердце.

Луиза продолжала бухтеть из-за дыма, и Незнакомич отправился на кухню попить водички. Там он застал бабушку Таню. Виногато посмотрев на него, она вдруг протянула ему письмо.

— Прочитать некому. Сегодня утром получила. От племянницы. А внук мой, шалапут, куды подевался? Ума не приложу. Прочти, милоч, не откажи. Не терпится узнать, как они там, в деревне.

Незнакомич хотел было послать бабушку Таню куда подальше, но вдруг взял письмо, пробежал мельком по мясистым буквам и неожиданно наткнулся: “Выкорчевывают из нас имя Христово...” Он крикнул и посмотрел на соседку, стал молча читать дальше: “Диву даёшься, что стало с людьми. Сердце кровью обливается. Хорошо, что ты, тётка Таня, уехала с этих мест и не видишь все бесчинства, творящиеся здесь. Думали, уж закончено со всем беззаконием, так ведь нет же! Церковь каменную порушили! Горе-то какое...”

— Чего там? Неладное что-то? — встревожилась бабка Таня.

— Церковь у них там порушили, — сказал Незнакомич и дальше стал читать вслух: — “Какая красивая была, помнишь ведь, к нам в село ты не раз приходила”.

— Как не помнить? — горько усмехнулась бабка Таня.

— “Резная и иконостас резной. Иконы, как говорили знающие люди, ещё жидкой техникой выполнены. Старинные. И стояла-то она на пригорочке, никому не мешала. Пригнали сначала один трактор, потом второй вызвали. Мы все стали кольцом, окружили, значит, её, родимую. Но разве ж бабы да старухи сила? Зацепили эти супостаты колокольню за макушку тросом, мы в плач, крик, кто был не в круге, кинулись на сломщиков. Что началось! В общем, милицией дело закончилось. А церковь-то разрушили всё же... И иконы многие пожгли. Эх, входят люди в историю геростратами”. Ишь ты, грамотная племянница твоя! — Незнакомич оторвался от письма.

— Какими стратами? — слабым голосом спросила бабка Таня, но Незнакомич не ответил, продолжая чтение.

Дальше Валентина радовалась факту, что те, кто принимал участие в поругании церквей в соседних селах, уже наказаны Богом. Кто повесился, кого убили, кто сгорел вместе с семьёй и домом...

Незнакомич скомкал письмо, поднёс к нему спичку и, горящее, кинул в раковину. Встретившись глазами с бабкой, прислонил к губам указательный палец. Соседка понимающе молча кивнула и поклонилась.

Вернувшись в свои апартаменты, Незнакомич застал Луизу перед зеркалом. Она забавлялась с волосами, придумывая себе разные причёски.

— Чего такой испуганный?

— Я? Я нет. С чего мне быть испуганным? — Незнакомич внимательно посмотрел на себя в зеркало. В глазах и впрямь тревога. — Я насчёт заваршнего всё думаю. Не стоит мне этого делать.

— Опять? Сколько можно об одном и том же! Незнакомич, ты милиционер! Милиционер! — проговорила она по слогам. — Ты не будешь разрушать церковь, ты будешь стоять в оцеплении, карауле или как у вас там. Людей не пускать, чтобы они не покалечили себя, дурни. Объяснять им, что они заблуждаются. И всё такое.

Ночью от мыслей и духоты разболелась голова. Луиза спала беспробудно, отвернувшись к стене.

В ту ночь впервые Незнакомич обратился к Господу. “Сделай так, — горячо шептал он, — чтобы мне не пришлось завтра участвовать в этом. Ведь накажешь, как пить, накажешь. А я и не пожил ещё. Не нажился. И детей нет. Двое родились, да и умерли сразу. Тридцать лет всего-навсего. Сам посуди, разве умирают в таком возрасте? Пусть эту церковь не тронут! Сделай чудо, ну, что тебе стоит?” Он засыпал, но снова просыпался и шептал. Под утро дошёл до полного бреда: “Пусть что угодно случится, лишь бы отменили церковь эту разрушать. Не хочу я!”

А на следующий день началась война. Ведь уничтожение церкви Рождества Богородицы в Путинках было назначено на воскресенье 22 июня 1941 года. Та страшная дата явилась спасительным днём для храма.

В кровавые военные годы Незнакомич уцелел, хотя с 1943 года был на фронте, и даже пару раз на передовой. Только одна лёгкая контузия. Луиза ушла на фронт одновременно с ним санитаркой и подорвалась на mine, спеша к раненому. Хоть и не христианка, а погибла “за други своя”.

Каждый раз — и готовясь к сражению, да и просто на привале, — Незнакомич размышлял о храме в Путинках. “Из-за тебя началась война!” — гневно думал он. Однажды даже стал писать письмо в ЦК партии с просьбой немедленно взорвать храм, чтобы война кончилась, но вовремя спохватился. Скажут, контузило мужика, что тут удивительного!

После войны раз в год, 22 июня, он приходил на улицу Чехова, бывшую Малую Дмитровку, и разговаривал с храмом:

— Вот ты стоишь тут во всём великолепии, а из-за тебя столько народу погибло. И Луиза моя...

Храм молча смотрел на человека, ни в чём не чувствуя своей вины.

— Ну, дождётся у меня! — грозил Незнакомич. — Я тебе покажу!

Однажды спяну он вновь стал писать письмо куда следует: “Я, узнав о том, что церковь будут сносить, смалодушничал, — выводил Незнакомич на бумаге, — всю ночь умолял Бога, чтобы он оставил храм. Преступно возопил: “Пусть что угодно произойдёт, лишь бы храм не стали рушить”. И Бог услышал. Оставил храм в покое. Оставить-то оставил, но началась война. А вот если бы не оставил, то и ничего бы и не было. Прошу принять меры по ликвидации храма”. Прочитав наутро письмо, разорвал его в клочья. Прямая дорога в психушку!

Время от времени в голову приходили совсем шальные мысли... Раз я тебя вымолил, мне тебя и казнить! Сам взорву, и дело с концом.

Но как ты взорвёшь? Да ещё в одиночку.

Наступало очередное 22 июня, и Незнакомич снова приходил к храму укорять его за то, что он стоит, а столько народу погибло. Подолгу стоял, внимательно вглядываясь в воздушный архитектурный ансамбль церкви.

— До чего ж наряден! — останавливались прохожие. — Шедевр московского зодчества!

— На фасадах и не отыскать ровной поверхности. Все в резьбе и каменном кружеве!

В послевоенные годы в церкви Рождества Богородицы в Путинках расположилась репетиционная база цирка, там дрессировали собак и обезьян, клоуны отрабатывали свои смешные номера. Несколько раз 22 июня Незнакомич видел, как в храм входил известный ему клоун.

В девяностые храм стал действующим. Вот тогда-то впервые и переступил Незнакомич порог церкви Рождества Богородицы. Ему уже было за восемьдесят.

Без робости, уверенно, словно хозяин, вошёл он в храм. И обмер. Совсем другим ему представлялись и само пространство, и интерьер.

— Крохотно как! — вслух сказал Незнакомич. И долго, прислонившись к ступенькам, ведущим в придел в честь иконы Божьей Матери “Неопалимая Купина”, стоял, рассматривая внутреннее убранство.

И он стал чаще приходить сюда, не только 22 июня. Как-то раз видел актёра Александра Абдулова. Говорили, что Абдулов вместе с другими артистами расположенного рядом театра “Ленком” помогал возрождать церковь. А ещё он видел того самого клоуна, но постаревшего и смиренного. Клоун долго и старательно исповедовался священнику. “Небось, кается, горемыка, за все свои ужимки и прыжки”, — усмехнувшись, подумал Незнакомич. Сам он и не думал ни исповедоваться, ни причащаться.

В 1994 году Незнакомич попал в храм как раз, когда там отпевали хорошего артиста Евгения Леонова. С возрастом он, располневший, внешне стал походить на этого добродушного актёра. К тому же Незнакомич впервые побывал на отпевании и очень проникся происходящим, а потому стал задумываться о чём-то глубоком и важном.

Наступил новый век, а Незнакомич всё жил да жил на белом свете, и уже подумывал грешным делом, что не только храму суждено стоять вечно, но и ему, одинокому старику, время которого уже подтекало к столетию. И вот уже совсем не старого Абдулова, умершего от рака, отпевали в том же храме в Путинках, только уже не на улице Чехова, а как раньше — на Малой Дмитровке.

— Молодые мрут, а мы с тобой, старые, не умираем, — сказал Незнакомич храму после того отпевания.

В том же году он и помер, не дожив до ста лет. Как ветерана войны, его навещала медсестра.

— Пусть отпоют меня. В том храме, — простонал он.

— В каком? — спросила медсестра.

— В моём, — глухо ответил Незнакомич. Это были его последние слова.